

от 24.10.38

Страницы жизни

Лес. Проселочная дорога — одна из бесконечных, запутанных российских дорог. Комик Счастливцев идет по ней пешком из Вологды в Керчь. По этой же дороге трагик Несчастливцев идет из Керчи в Вологду. Судьба Несчастливцева, его облик как будто списаны Островским с моего отца, провинциального актера Ольгина.

Ольгин — это был его псевдоним. Родители Павла Александровича Корчагина считали недостойным иметь сына-актера. Его первый дебют на сцене состоялся в «ольгин день». Отсюда и происхождение псевдонима.

Прямой и резкий, честный и бескомпромиссный, отец мой сочетал в себе лучшие черты русского актерства — стремительного, неуживчивого, протестующего. Можно бы припомнить немало эпизодов из его борьбы с самодурством чиновников, с произволом губернских властей, после чего неизбежно следовало вынужденное «цыганское кочевье», переезд в другой город.

Мои первые впечатления тоже связаны с проселочными дорогами, с блужданием по бесконечным просторам Российской империи. Вспоминаются поездки на телеге по Крыму, когда актерская семья, не имея ни гроша за душой, питалась лишь хлебом и арбузами. К приезду в Балаклаву у актера Ольгина развалились единственные ботинки, а вечером надо выступать. Выход из положения — чисто актерский: степ купается в благодатной балаклавской бухте, я жду на берегу, а «холдный» сапожник чинит ботинки.

Первый мой выход на сцену состоялся, когда мне было 6 лет, в роли мальчика Пети в пьесе Чернышева «Испорченная жизнь». Мать — тоже актриса с прирожденными педагогическими данными — взяла на себя заботу о моем театральном воспитании. Уроки матери, ее строгие критические суждения были моей первой школой.

Настоящая профессиональная жизнь русской актрисы началась для меня в 13 лет. Без места, без денег, без друзей и знакомых мы с матерью оказались в Москве. Начались титетные поиски работы. Среди «знакомых» антре-

пренеров оказалась артистка Е. Н. Горева. Она руководила в Москве тремя театрами, принадлежавшими богатой купчихе Карпенко. Знакомство было очень относительное, — Горева приезжала когда-то на гастроли в Самару, играла там, а я выходила вместе с ней на сцену в группе детей.

Набравшись храбрости, я все же упростила Гореву прослушать меня, прочла стихи Некрасова и была принята в театр на жалованье в 20 рублей. Но актерское счастье так недолговечно! Купчиха Карпенко прогорела, и мы снова пустились в скитальческую жизнь.

Опять провинция — Тула, Пенза, Тамбов, Пермь, Елец, Орел, Моршанск, Вологда, Витебск, Псков. География страны, быт и нравы ее людей изучались наглядно — на рынках, в меблированных комнатах, в мещанских клубах, в сутюжке уездной жизни. Это была трудная, но полезная школа.

О художественной ценности спектаклей, о глубокой работе над образом в условиях кочевой жизни, беспринципного репертуара и антрепренерского расчета «на кассу» не могло быть и речи. Но для меня в ту пору было настоящим праздником играть в пьесах Островского. Он-то давал образ во всей полноте, во всей яркой выразительности его типических черт. И для своих бедных я выбирала такие роли, над которыми можно было с любовью поработать.

Вспоминается последний сезон моей провинциальной службы в Вологде. Тула на гастроли приехал Павел Орленев. Живой и общительный, тонко чувствующий художник, он быстро подружился с мужем, бывал частым гостем в нашей семье. Его заветной мечтой было найти свое искусство в народе, играть в деревнях.

— Никаких денег! Для народа играем бесплатно! — говорил он.

Орленев глубоко чувствовал рутину, мрак застоявшегося провинциального быта и настойчиво звал нас с мужем к большому, настоящему творчеству. Вскоре после отъезда Орленева мы получили от него телеграмму:

«В Петербурге открывается новый театр Комиссаржевской. Будете нужны оба. Приезжайте».

Так открылся передо мною путь к столичной сцене.

Вера Федоровна Комиссаржевская обладала исключительным даром понимания людей, даром чуткости и отзывчивости. Заметив мое «провинциальное» смущение в новой обстановке, она дружески улыбнулась:

— Ничего, ничего, мы — люди простые! Вы у нас будете чувствовать себя хорошо.

Она показывала всей труппе пример благородного, самоотверженного служения сцене. За три года совместной работы я не помню случая, чтобы она опоздала на репетицию, небрежно отнеслась к делу или грубо обошлась с кем-нибудь из служащих. В этом театре в ту пору собрались крупнейшие силы русской сцены — режиссеры А. П. Петровский, Н. А. Попов, Н. Н. Арбатов, впоследствии — В. Э. Мейерхольд, актеры К. В. Бравич, П. В. Самойлов и другие.

Театр Комиссаржевской был культурным центром демократической интеллигенции Петербурга. Вокруг него группировались передовое студенчество, учительство, люди писательской и художественной среды. В репертуар вошли пьесы Ибсена, Гауптмана, Островского, Чехова, Горького.

Сама Вера Федоровна была душой театра. Она потрясала зрителей своей одухотворенной, проникновенной игрой в «Норе» Ибсена, в «Талантах и поклонниках» Островского, в «Дачниках» Горького. Сценический образ она доводила до высокого сценического совершенства. Молодежь любила Комиссаржевскую, любила ее театр, и мы, актеры, душой и мыслью преданные передовой молодежи, старались зажечь в ней пламя веры в будущее, поднять ее боевой дух, воспитать в ней волю к борьбе.

Зато консервативная, реакционная публика нередко устраивала театру обструкцию. Так, накануне революции 1905 года неистовым улюлюканьем

была встречена пьеса Горького «Дачники». В этой пьесе на мою долю выпала небольшая, но по-горьковски сделанная роль «женщины с подвязанной щекой». Помню, с каким волнением ждали мы премьеры. В середине акта в зале произошел скандал. Люди, которых так неистово обличал в своей пьесе Горький, «тусклые человечки», уныло ищущие места, «где бы можно спрятаться от жизни», почувствовали себя оскорбленными, подняли шум, свист.

Сам Алексей Максимович, присутствовавший на спектакле, вышел на сцену и, скрестив руки на груди, спокойно смотрел в зал. Он видел, с кем имеет дело. Демократическая, революционно настроенная молодежь приняла «Дачников» с восторгом. Зрители разделились на два враждующих лагеря. Это дало повод петербургскому градоначальнику совсем отменить спектакль под предлогом «болезни» В. Ф. Комиссаржевской. Пьеса была снята с репертуара.

В сотрудничестве с Комиссаржевской я работала до 1907 г. и храню об этом времени самые дорогие воспоминания. Но весь мой сценический путь, от «травести» (ролей с переодеванием), через роли героинь и характерных актрис убеждал меня в том, что это еще не мое подлинное призвание. Мне хотелось укреплиться в характерных ролях бытового плана, расширить свой репертуар и диапазон актерского творчества. Всем существом актрисы, всем внутренним чутьем художника я чувствовала, что только в этом амплуа я найду свое настоящее место в искусстве.

И Вера Федоровна, и К. В. Бравич были весьма удивлены, услышав от меня, еще молодой женщины, что я хочу играть «старух». С приходом в режиссуру В. Э. Мейерхольда репертуар театра получил несколько иное направление, при котором я не чувствовала возможности дальнейшего роста. И, когда в большой тревоге поделилась своими мыслями с Комиссаржевской, она ответила:

— Пожалуй, вы правы. Задерживать вас не могу. Поиски в искусстве всегда ведут к цели.

Братски распрощавшись с дорогим мне коллективом, я пошла ощупью

искать свою дорогу. Первое время работала с режиссером Красовым в его театре на Петроградской стороне. Этот период памятен мне постановкой пьесы Протопопова «Черные вороны», резко разоблачавшей мерзости сектантства. Я играла в ней роль сектантской «богородицы», и религиозные изуверы, сектанты, дико бесновались. Нередко мне «во избежание эксцессов» приходилось возвращаться после спектакля домой в сопровождении охраны. В конце концов по требованию одного из заправил «Союза русского народа» — епископа Гермогена министр внутренних дел Столыпин запретил этот спектакль.

Летом 1908 г. меня пригласил к себе на службу А. С. Суворин, издатель, являвшийся фактическим владельцем «Театра литературно-художественного общества». По своему художественному значению это был один из лучших театров Петербурга. В нем служили такие прославленные актеры, как Орленев, Баратов, Блюменталь-Тамарин, Нерадовский, Рошина-Инсарова, Холмская. Репертуар, рассчитанный на самые различные слои общества, дал мне возможность широко испытать свои силы.

Не могу пожаловаться на критику. Она отмечала и хвалила меня, не давая, впрочем, серьезного анализа и мало помогая в работе. Во всяком случае мое положение на сцене уже было прочно завоевано, и не было ничего удивительного в том, что весной 1915 г. я получила от директора императорских театров Теляковского приглашение перейти на службу в «Александринку».

Это был «потолок» актерских стремлений. Александринский театр по своему положению считался лучшим в стране. Я пошла посоветоваться к руководителю суворинского театра Евтихию Карпову.

— Вот грех-то со мной случился, приглашают в «Александринку». Не знаю, как и быть.

Карпов помрачнел:

— Жаль, но ничего не поделаешь. А идти в этот театр вам надо.

Вскоре, однако, я увидела и обратную сторону своего успеха. На помостках императорского театра сказывались режим чиновного департамента, правительственная опека во всей неприглядности. Даже жалование актеры получали не в театре, а в «канпе-

лярии его величества» в Аничковом дворце.

Но зато работа с такими крупнейшими мастерами театрального искусства, как Давыдов, Варламов, Мичурина-Самойлова, Ходотов, Кондрат Яковлев, Юрьев и другие, давала глубокое творческое удовлетворение.

В годы войны, предшествовавшей Великой Октябрьской социалистической революции, атмосфера в театре крайне стеснилась. Театр переживал творческий упадок. Октябрьская революция вдохнула в него новую, свежую струю. Она обогородила сцену, подняла мастерство актера на новую высоту.

Мы понесли свое искусство в казармы и на площади. Я, например, была прикреплена к Семеновскому полку. Вскоре нас, артистов, даже зачислили в особую команду. У меня до сих пор сохранилось удостоверение № 5, выданное начальником этой команды:

«Предъявитель сего есть действительный стрелок команды, специалист 3-го стрелкового полка Петроградской отдельной бригады Корчагина Екатерина, что подписью с приложением печати удостоверяется».

С победой Октябрьской революции бывший Александринский театр начал свою новую историю. Советская власть окружила работников искусства исключительным вниманием, открыла перед нами широкий простор для творчества. Весь мой послеоктябрьский путь неразрывно связан с советским народом, все мои лучшие работы посвящены ему, С величайшей радостью и любовью работала я над образами советских матерей, такими близкими мне и понятными.

Полвека отдано сцене, и только сейчас я по-настоящему полно и радостно ощущаю плоды своих трудов. Если хоть в малой мере я оправдала доверие народа, если я не зря удостоена высокого звания народной артистки Союза и величайшей чести быть депутатом Верховного Совета СССР, то этим я обязана величию и славе нашей родины, ее гениальному вождю товарищу Сталину.

Е. КОРЧАГИНА-АЛЕКСАНДРОВСКАЯ,
депутат Верховного Совета СССР,
народная артистка СССР.